

материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»²⁶.

С учетом сказанного выше представляется возможным выработать термин-опозит понятию «народная культура». Для этого важно выделить и кратко обозначить наиболее общие и характерные признаки комплекса «господствующая культура — культура образованных верхов». С одной стороны, по отношению к народной культуре он занимал доминантное положение, отражая интересы и представления класса, господствовавшего в сфере материального производства (социальный признак); с другой — ему присуща упорядоченность, закреплённость, престижность (нормативный признак, имеющий одновременно и социальный акцент). Если, следуя традиции, опираться на латинскую основу, то наиболее подходящими оказываются слова «dominatio» («господство») и «ordo» («последовательность», «правильный ход», «порядок» — в ряде случаев здесь прослеживается и социальный оттенок, например, «сословие») ²⁷. Следовательно, верхний социальный срез культурно-исторического типа может быть назван «ордодоминантным» или, короче, «ордодоминантным», а культура, им обозначаемая, — ордодоминантной.

Предлагаемый термин позволяет кратко и обобщенно охарактеризовать культуру так называемого «верхнего» социального слоя, обладающую сложной, мобильной и исторически меняющейся структурой, рассмотрение которой в данном случае не входит в нашу задачу. Объединение компонентов этой структуры более широким понятием «ордодоминантная культура», с операционно-терминологической точки зрения, облегчает, на наш взгляд, реализацию упоминавшейся выше логической оппозиции, а тем самым — и изучение народной культуры как существенной части общего культурно-исторического процесса и выявление объективных предпосылок и условий ее сближения с демократическими и социалистическими элементами политарной культуры. Это имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку относится к кругу вопросов управления культурными процессами, чему, как известно, В. И. Ленин придавал особое значение. Он подчеркивал: «Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила» (т. 2, с. 80).

«Развитие городской жизни, рост промышленности, распространение грамотности» В. И. Ленин относил к определяющим факторам, способствующим просвещению народных масс (т. 4, с. 416). Мостом между народной и демократически истолкованной политарной культурой В. И. Ленин считал различные формы школьного и внешкольного образования, развитию которых еще в дооктябрьский период придавал большое значение (т. 23, с. 125, 127, 348).

Дальнейшая разработка методологических и конкретно-научных аспектов истории народной культуры в свете ленинского теоретического наследия относится к числу актуальнейших исследовательских задач.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 45.

²⁷ См.: Латинско-русский словарь (Сост. Малинин А. М.) М., 1952. С. 206, 478.

А. Г. Козинцев

КРАНИОСКОПИЯ И РАСОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

ПУТИ РАЗВИТИЯ КРАНИОСКОПИИ

Краниоскопия — отрасль краниологии, изучающая описательные признаки черепа (в основном мелкие анатомические вариации) в различных человеческих группах, — развивалась в последние годы очень интенсивно. Еще недавно эти признаки занимали в краниологии ничтожно малое место по сравнению с измерительными характеристиками. Теперь

же краниоскопия превратилась в самостоятельную дисциплину, по своему значению не уступающую краниометрии.

Развитие краниоскопии шло двумя путями. Первый был путем преимущественно количественного роста. Толчком в этом направлении послужила опубликованная в 1967 г. английскими зоологами Р. и Э. Бэрри статья, в которой излагался способ подсчета попарных обобщенных различий между человеческими группами по частотам нескольких десятков описательных вариантов (формулу предложил математик С. Смит)¹. Ввиду большого числа используемых признаков каждый из них терялся в общей массе и ни один не был объектом особого внимания: важна была лишь общая сумма различий. В основе этого подхода лежит так называемая концепция общего сходства, согласно которой, привлекая наугад множество случайно отобранных наследственно обусловленных признаков, мы можем оценивать величину «общего различия» между двумя группами². Главным требованием при таком подходе является учет большого числа особенностей. Простота, точность и объективность нового метода вызвали у антропологов необычайный энтузиазм, и после 1967 г. краниологи в ряде стран стали работать по методике Бэрри — Смита³. Казалось, что мучившая многие поколения антропологов проблема отбора таксономически ценных признаков навсегда исчезла вместе с субъективизмом, связанным с этим отбором. Включение в подсчет множества разнообразных признаков (число мелких анатомических вариантов черепа практически безгранично, вернее, по замечанию Э. Майра, «ограничено лишь терпением исследователя»)⁴, должно было гарантировать надежность классификации. Однако затем оптимизм сменился разочарованием; сейчас это видно и по спаду числа работ, и по тону самих работ. Суммарное сравнение групп приводило иногда к очень странным результатам (кстати, это относится и к первой публикации Бэрри, привлечшей столь большое внимание, несомненно, своей методической, а не содержательной стороной). В некоторых статьях результаты выглядели более осмысленно, но главное состоит, по-видимому, в том, что исследователей перестает удовлетворять работа «вслепую», с большим набором случайных признаков, природа и ценность которых абсолютно неясны. Попытки изучить наследуемость краниоскопических признаков у мышей⁵ и обезьян⁶ привели к довольно неопределенным выводам. То же относится и к человеку, но только данных здесь, по понятным причинам, гораздо меньше⁷.

Однако существует и косвенный способ изучения природы признаков — по характеру их географического распространения. Способ этот вполне надежен при условии, что признак картографирован достаточно полно. Ведь данные о генетике традиционных расодифференцирующих признаков черепа (в частности, показателей профилированности лицевого скелета) даже не скудны, а попросту отсутствуют, но связь этих признаков с расами настолько очевидна, что едва ли кто-нибудь усомнится в их высокой эндогенности. Обратное, впрочем, неверно: признак,

¹ Berry A. C., Berry R. J. Epigenetic Variation in the Human Cranium.— J. Anatomy, 1967, v. 101, № 2, p. 361—379.

² Антропологические аспекты этой концепции рассмотрены в статье: Козинцев А. Г. Концепция общего сходства в антропологии.— В кн.: Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980, с. 26—69.

³ Довольно полную библиографию работ, опубликованных до 1979 г., см.: Козинцев А. Г. Дискретные признаки на черепе эпохи бронзы из Южной Сибири.— Сб. Музея антропологии и этнографии, т. 36. Л., 1980, с. 76—79. См. также Rösing F. W. Diskreta des menschlichen Skeletts—ein kritischer Überblick.— Homo, 1982, B. 32, H. 2—3, S. 100—125.

⁴ Майр Э. Принципы зоологической систематики. М.: Мир, 1971, с. 237.

⁵ Обзор см. Berry A. C., Berry R. J. Op. cit.

⁶ Cheverud J. M., Buikstra J. E. Quantitative Genetics of Skeletal Nonmetric Traits in the Rhesus Macaques on Cayo Santiago. I—III.— Amer. J. Phys. Anthropol., 1981, v. 54, № 1, p. 43—49, 51—58; 1982, v. 59, № 2, p. 151—155.

⁷ Sievold T. A Report on the Heritability of Some Cranial Measurements and Non-Metric Traits.— In: Multivariate Statistical Methods in Physical Anthropology. Amsterdam, 1984, p. 223—246.

полностью детерминированный наследственными факторами, может иметь хаотическое, дисперсное распределение. Но такой признак если и представляет интерес для расовой систематики, то только в совокупности с множеством других особенностей. «Хорошие» же признаки удовлетворяют сразу двум требованиям: и минимальному (они, по всей видимости, либо сами подчиняются генетическому контролю, либо тесно связаны с наследственно обусловленными признаками, что практически равнозначно), и максимальному: каждый из них представляет самостоятельный интерес для расоведения. Таким образом, второй путь развития краниоскопии — это путь качественного совершенствования.

«Хороших» признаков мало, и выявить их трудно. Анализ традиционных краниоскопических программ показывает, что они в огромной степени (по крайней мере на $\frac{9}{10}$) засорены признаками весьма сомнительными. Здесь и аномалии — особенности, отсутствующие или крайне редкие во всех группах (статистики называют их «псевдопеременными» или «признаками-пустышками»), и характеристики, зависящие в основном от возраста, и даже симптомы болезней. Основную массу составляют признаки с бессистемной изменчивостью и, следовательно, неизвестной степенью генетической обусловленности. Вполне возможно, что они варьируют лишь под действием каких-то внешних причин; во всяком случае, до тех пор, пока их природа не будет изучена, приходится считать их просто «шумом». Замена «шумовых» признаков таксономически ценными — вот цель данной работы. Пока удалось найти всего шесть таких признаков, но нет сомнений, что в дальнейшем число их увеличится.

МАТЕРИАЛ И ПРОГРАММА

Материалом работы служит 3961 череп (2492 мужских, 1469 женских) взрослых представителей 64 этнотерриториальных групп. Среди них 22 европеоидных (табл. 1, № 1—22), 18 монголоидных (№ 43—60)⁸, 20 групп, занимающих промежуточное положение между этими расами (№ 23—42), две группы, принадлежащие к экваториальной расе (№ 62 и 64), одна метисная монголоидно-австралоидная (№ 63) и одна обособленная (№ 61). Сведения о происхождении этих коллекций содержатся в обобщающем исследовании⁹.

Большинство признаков, положенных в основу данной статьи и относящихся к вариациям швов черепа, не фигурирует в обычных программах. Они либо найдены при проработке очень значительного объема старой анатомической литературы, либо предложены автором. Подробное их описание дано как в отдельных статьях¹⁰, так и в обобщающей работе¹¹. Основным критерием отбора признаков была их расоразграничительная способность. Дополнительными требованиями были отсут-

⁸ Кроме них была изучена еще одна монголоидная серия (орочская), но из-за отсутствия по ней данных об одном из признаков она была исключена из анализа.

⁹ Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия. Л.: Наука (в печати).

¹⁰ Козинцев А. Г. Варианты соединения костей у нижней глазничной щели черепа человека и их частоты в разных группах. — В кн.: Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984, с. 133—148; *его же*. Заднескуловая щель и ее встречаемость в разных группах. — В кн.: Вопросы антропологии, 1984, вып. 74, с. 55—61; *его же*. Подглазничные швы, сообщения I, II. — В кн.: Вопросы антропологии, 1986, вып. 79; *его же*. Новые краниологические данные к вопросу о происхождении айнов. — В кн.: Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в X пятилетке. Л., 1983, с. 40—41; *его же*. Вариации швов лицевого черепа у некоторых тюркоязычных народов. — В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984, с. 9—11; *его же*. Новые антропологические данные о южных связях арктических монголоидов. — В кн.: Годичная научная сессия Ин-та этнографии АН СССР 1983 г. Краткое содержание докладов. Л., 1985, с. 29—30; Kozincew A. G. Rassendiagnostische Schädel-diskreta bei den Finno-Ugriern. — В кн.: VI Международный конгресс финноугроведов. Тезисы, т. IV. Сыктывкар, 1985, с. 194; *его же*. Новые расодифференцирующие краниологические признаки и их вариации в восточной Прибалтике. — В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Рига: Зинатне, 1985, с. 14—16.

¹¹ Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия.

Значения признаков и первы

Группа	ЗИ	КВШ
1. Финны (78)	5,7 (35)	34,3 (250)
2. Карелы (106)	15,2 (33)	26,5 (292)
3. Эстонцы (27)	6,7 (15)	35,2* (82)
4. Русские, Старая Ладога (76)	16,0 (25)	22,2 (192)
5. Русские, Себеж (148)	8,5 (59)	28,6 (414)
6. Латыши (61)	5,9 (34)	40,3 (163)
7. Литовцы, Гелува (82)	0 (35)	37,3 (243)
8. Литовцы, Каварскас (33)	6,3 (16)	41,4 (86)
9. Поляки (33)	22,6* (7)	28,2 (102)
10. Украинцы (29)	31,5* (8)	21,4* (88)
11. Абхазы (59)	0 (20)	33,5 (119)
12. Адыгейцы (57)	5,0 (20)	40,4 (157)
13. Осетины-дигорцы (71)	0 (23)	38,1 (188)
14. Осетины-иронцы (138)	3,4 (58)	26,5 (386)
15. Ингуши (59)	17,5* (12)	34,9 (157)
16. Чеченцы (25)	5,7* (4)	26,0 (71)
17. Армяне (121)	5,9 (34)	39,8 (324)
18. Турки (33)	12,5 (16)	27,4 (81)
19. Болгары (31)	0 (14)	32,5 (81)
20. Итальянцы (36)	7,1 (14)	44,1 (114)
21. Арабы (124)	8,0 (25)	22,1 (325)
22. Памирцы (36)	10,1* (11)	43,2 (80)
23. Узбеки (56)	22,2 (18)	24,9 (181)
24. Киргизы (65)	42,9 (14)	16,3 (202)
25. Казахи, Актулки (65)	47,1 (17)	23,7 (196)
26. Казахи, Бегазы (68)	22,6* (8)	20,3 (203)
27. Казахи, Коянды (59)	39,8* (10)	25,6 (161)
28. Казахи, Каратас (19)	3,7* (2)	17,6 (57)
29. Башкиры (53)	5,3 (19)	27,6 (140)
30. Чуваши (65)	18,5 (27)	27,6 (157)
31. Удмурты (80)	15,8 (19)	15,8 (178)
32. Мари луговые (42)	21,1 (19)	27,1 (125)
33. Мари горные (74)	6,5 (31)	12,2 (162)
34. Мордва-эрзя (70)	8,0 (25)	10,2 (175)
35. Мордва-мокша (19)	3,3* (4)	15,1 (50)

Таблица 1

из трех главных компонент в изученных группах

ЗСШ	ПГУ II	ИСПУ	ИПНШ	I	II	III
5,0 (121)	51,9 (106)	49,1 (85,5)	73,2 (127)	1,83	-0,07	0,09
8,9 (158)	61,5 (135)	48,1 (103)	59,9 (167)	0,56	0,38	0,41
8,2 (49)	58,8 (34)	40,2 (31)	86,4 (44)	2,46	0,21	-0,19
7,6 (105)	59,8 (102)	37,3 (78)	69,9 (103)	1,21	0,36	-0,09
6,6 (241)	57,5 (207)	35,0 (174)	66,8 (238)	1,61	0,19	0,33
10,7 (75)	45,5 (77)	48,6 (62)	60,2 (93)	1,16	-0,68	0,80
5,1 (118)	65,4 (104)	29,8 (78)	69,3 (137)	2,57	0,65	0,74
0 (39)	42,9 (35)	37,0* (21)	67,9 (53)	2,67	-0,65	0,74
10,0 (50)	61,9 (42)	45,9 (37) ^г	62,2 (45)	0,52	0,28	0,55
2,3 (43)	65,9 (41)	40,9* (36)	73,8 (42)	1,28	0,71	-0,07
9,9 (71)	44,0 (50)	28,7 (41)	84,2 (57)	2,89	-0,56	-0,41
14,4 (90)	43,4 (76)	50,0 (55)	72,2 (90)	1,43	-0,80	0,29
25,5 (110)	53,9 (102)	51,3 (77)	72,4 (98)	1,06	-0,20	0,16
14,0 (222)	42,5 (181)	40,8 (139)	73,8 (183)	1,52	-0,59	-0,53
10,6 (94)	50,7 (67)	36,9 (50)	61,2 (103)	1,05	-0,46	0,85
14,6 (41)	44,0 (25)	37,2* (21)	60,5 (43)	0,95	-0,59	0,07
8,0 (162)	39,6 (154)	40,2 (115)	83,5 (176)	2,55	-0,94	-0,15
16,7 (42)	40,0 (35)	45,3 (31)	86,0 (50)	1,52	-0,87	-0,95
6,4 (47)	28,6 (28)	47,1* (18)	71,8 (39)	1,98	-1,33	-0,44
11,1 (54)	53,8 (39)	31,8 (32)	63,5 (52)	1,77	-0,36	1,29
19,5 (174)	47,9 (163)	43,1 (133)	71,2 (184)	0,76	-0,34	-0,56
11,1 (54)	70,2 (47)	29,3 (38)	61,9 (63)	1,61	0,54	1,66
11,5 (96)	64,4 (73)	57,6 (59)	67,0 (100)	0,17	0,53	0,04
20,2 (109)	66,3 (92)	49,4 (79)	46,7 (105)	-1,43	0,47	0,51
22,0 (109)	70,2 (104)	47,7 (93)	48,1 (108)	-1,26	0,49	1,12
12,0 (92)	52,4 (84)	50,4 (66)	56,2 (105)	-0,16	-0,11	0,03
24,7 (97)	47,3 (91)	58,3 (62)	59,8 (102)	-0,98	-0,75	0,21
22,2 (27)	53,8 (26)	71,5 (17)	75,0 (28)	-0,07	0,27	-1,39
10,7 (84)	52,9 (70)	79,0 (56)	68,2 (88)	0,14	0,15	-0,55
9,0 (89)	75,0 (96)	35,7 (78)	69,7 (76)	1,19	1,09	0,58
18,3 (82)	61,5 (96)	53,3 (79)	69,7 (119)	-0,02	0,51	-0,75
8,0 (50)	70,1 (67)	25,8 (59)	64,8 (71)	1,33	0,75	0,83
4,5 (67)	67,8 (87)	39,2 (69)	76,6 (94)	1,57	1,27	-1,08
8,6 (93)	57,6 (99)	41,5 (94)	60,2 (98)	0,48	0,59	-0,87
0 (29)	73,1 (26)	38,9* (21)	88,0 (25)	2,72	1,69	-1,33

Таблица 1 (окончание)

Группа	ЗИ	КВШ	ЗСШ	ПГУ II	ИСПУ	ИПНШ	I	II	III
36. Саами (102)	4,8 (21)	10,8 (255)	10,3 (156)	73,6 (106)	56,4 (87)	65,6 (151)	0,22	1,63	—0,99
37. Ненцы (34)	25,3* (9)	13,5 (104)	23,5 (51)	85,1 (47)	50,9* (38)	64,6 (48)	—0,78	1,94	—0,17
38. Ханты (206)	25,0 (52)	2,7 (655)	19,2 (323)	78,7 (254)	54,4 (207)	68,1 (317)	—1,06	1,90	—1,63
39. Манси (57)	4,0* (13)	11,3 (169)	12,5 (64)	82,8 (58)	44,6* (46)	59,2 (76)	0,23	2,18	—0,40
40. Кеты (21)	21,9* (4)	1,6 (67)	25,8 (31)	54,5 (22)	62,3* (19)	51,5 (33)	—2,11	0,48	—1,84
41. Шорцы (48)	33,3 (18)	25,0 (167)	20,2 (89)	50,8 (59)	51,7 (46)	56,8 (88)	—0,61	—0,48	0,37
42. Сагайцы (47)	30,2* (11)	28,3 (159)	19,0 (84)	47,7 (65)	46,5 (51)	47,6 (84)	—0,57	—0,74	0,88
43. Калмыки (81)	64,0 (25)	20,6 (248)	21,8 (124)	66,4 (125)	54,6 (101)	62,7 (118)	—1,30	0,24	0,37
44. Теленгиты (86)	45,0 (20)	28,3 (268)	29,9 (137)	62,4 (125)	60,5 (99)	43,3 (120)	—1,92	—0,08	1,20
45. Тувинцы (68)	42,9 (14)	23,0 (179)	24,4 (78)	72,2 (79)	51,1 (69)	42,4 (59)	—1,61	0,64	1,20
46. Монголы (109)	43,7 (32)	30,3 (354)	30,6 (170)	65,1 (175)	65,9 (164)	43,2 (176)	—2,05	0,07	1,32
47. Буряты западные и тункинские (27)	23,4* (11)	26,1 (91)	27,0 (37)	60,5 (43)	59,4 (33)	41,0 (39)	—1,49	0,05	0,93
48. Буряты забайкальские (127)	40,6 (32)	35,5 (412)	27,0 (185)	57,4 (202)	58,4 (157)	51,6 (184)	—1,15	—0,43	1,27
49. Якуты (61)	24,2* (11)	9,7 (165)	19,6 (102)	55,4 (74)	62,6 (60)	58,4 (89)	—1,19	0,27	—0,99
50. Юкагиры (31)	47,1* (10)	15,7 (101)	15,2 (46)	92,5 (53)	58,3* (43)	54,0 (50)	—1,44	2,45	0,72
51. Тунгусы (51)	46,7 (15)	11,4 (173)	42,4 (85)	74,4 (78)	59,3 (69)	41,9 (86)	—2,98	0,88	0,30
52. Негидальцы (31)	27,9* (10)	17,3 (99)	22,9 (48)	40,5 (37)	68,0 (25)	59,5 (42)	—1,20	—0,81	—0,69
53. Нанайцы (23)	22,6* (5)	4,8 (63)	35,7 (28)	65,4 (26)	31,7* (22)	55,6 (27)	—1,21	0,70	—0,87
54. Ульчи (30)	94,9* (9)	17,7 (85)	34,2 (38)	46,7 (30)	64,0 (25)	40,6 (32)	—3,64	—1,26	0,85
55. Нивхи (28)	75,5* (8)	15,5 (78)	50,0 (38)	81,8 (33)	66,9* (30,5)	48,6 (35)	—3,69	1,01	0,71
56. Чукчи (49)	71,4 (14)	17,6 (128)	21,9 (73)	35,6 (73)	68,0 (52)	48,5 (66)	—2,35	—1,45	0,04
57. Эскимосы (130)	48,6 (37)	15,7 (347)	9,2 (185)	38,1 (202)	66,0 (152)	54,3 (184)	—1,14	—0,91	—0,45
58. Алеуты (64)	21,4 (14)	4,6 (167)	26,3 (76)	31,5 (73)	73,0 (57)	41,3 (92)	—2,50	—0,94	—1,56
59. Китайцы (46)	33,3 (15)	20,1 (147)	15,2 (66)	49,2 (65)	63,8 (49)	64,2 (67)	—0,62	—0,33	—0,39
60. Западные индонезийцы (41)	38,9 (18)	14,4 (143)	8,7 (80)	34,7 (75)	49,7 (65)	50,0 (72)	—0,60	—1,08	—0,29
61. Айны (65)	46,4 (28)	5,1 (162)	61,2 (103)	27,5 (80)	41,3 (62)	48,5 (97)	—2,91	—1,89	—1,16
62. Папуасы и меланезийцы (50)	47,8 (23)	46,1 (162)	9,2 (76)	27,9 (61)	26,3 (41)	58,0 (69)	1,11	—2,29	1,67
63. Молукцы (18)	31,5* (4)	17,9* (63)	25,0 (32)	44,8 (29)	27,2 (25)	56,7 (30)	—0,21	—0,81	0,11
64. Негры Африки (31)	61,3* (11)	6,5 (80)	20,9 (43)	12,0 (25)	32,9* (17)	85,4 (41)	0,14	—2,72	—2,45

Примечание. ЗИ — затылочный индекс, КВШ — клиновидно-верхнечелюстной шов, ЗСШ — заднескуловой шов, ПГУ II — подглазничный узор типа II, ИСПУ — индекс сложности подглазничного узора, ИПНШ — индекс поперечного небного шва, I—III — значения первых трех главных компонент (объяснения см. в тексте). Для всех признаков, кроме КВШ, мужские и женские черепа суммированы; для КВШ вычислены невзвешенные средние из частот для мужчин и для женщин. Все значения признаков — в процентах. Звездочками помечены величины, восстановленные по уравнениям регрессии (из-за нехватки данных). В скобках после названий групп — число черепов, после значений признаков — число наблюдений, равное для всех признаков, кроме КВШ, общему количеству левых и правых сторон, для КВШ — количеству двух глазничных и двух височных сторон.

ствие или малая величина половозрастной изменчивости и простота фиксации. Как показал внутригрупповой анализ¹², признаки эти, как правило, не связаны ни между собой, ни с традиционными краниометрическими характеристиками. Половые и возрастные различия (у взрослых) малы по сравнению с расовыми, и в большинстве случаев ими можно пренебречь. Лишь для одного признака (КВШ) необходим учет мужских и женских черепов по отдельности. Частоты признаков (в процентах, из расчета на одну сторону) приведены в табл. 1. Резкие колебания числа наблюдений вызваны тем, что по первому признаку (ЗИ) очень большой процент случаев не учитывается, по второму же (КВШ) исследуется четыре стороны черепа (две орбитные и две височные), тогда как по остальным признакам — только две (левая и правая).

ЗАТЫЛОЧНЫЙ ИНДЕКС (ЗИ)

Вставочные кости в затылочно-сосцевидном шве чаще встречаются у монголоидов (невзвешенная средняя по 19 группам — 16,6%), чем у европеоидов (средняя по 22 группам — 6,4%). Наоборот, кости в нижнем отрезке лямбдовидного шва (30 мм от астериона) более часты у европеоидов (32,7%), чем у монголоидов (18,3%). Находящаяся посередине кость астериона расово-нейтральна. Оба различия в высшей степени существенны, причем внутригрупповая связь между обоими признаками отсутствует. Однако для усиления эффективности решено было объединить их в одном показателе — затылочном индексе (ЗИ). Если А — число случаев, когда кость имеется в затылочно-сосцевидном шве и одновременно отсутствует в нижнем отрезке лямбдовидного, а В — число случаев с обратным сочетанием, то $ЗИ = A / (A + B)$, причем случаи, когда есть кость астериона, не учитываются¹³. Разграничительная сила ЗИ очень велика (европеоиды — 8,8%, монголоиды — 45,1%, разность превышает свою ошибку в 8 раз)¹⁴. Среди групп, промежуточных по расовому типу, европеоидными значениями характеризуются саами, горные мари, обе группы мордвы, башкиры, манси и казахи из Каратаса; несколько повышен индекс у удмуртов и чувашей. В промежуточный европеоидно-монголоидный интервал попадают луговые мари, ненцы, ханты, кеты, узбеки, казахи (Бегазы) и сагайцы. Шорцы несколько более «монголоидны», а у киргизов и в двух казахских группах (Коянды и Актулки) отмечены типично монголоидные величины. У папуасов и меланезийцев (австралоидов), айнов и африканских негров ЗИ тоже высок. Таким образом, по имеющимся данным, низкие показатели свойственны только европеоидам и группам, в составе которых есть европеоидный компонент.

КЛИНОВИДНО-ВЕРХНЕЧЕЛЮСТНОЙ ШОВ (КВШ)

По частоте соединения клиновидной кости с верхней челюстью у нижней глазничной щели¹⁵ также обнаружены высокодостоверные различия между европеоидами и монголоидами (невзвешенные средние — соответственно 32,9 и 19,0%, отношение разности к ошибке — 5,5), однако картина здесь более сложна. Если во всех европеоидных группах зафиксированы высокие частоты, то монголоидная раса отчетливо неоднородна. Группы, относящиеся к центральноазиатскому типу, кроме якутов (№ 43—48), по встречаемости КВШ не отличаются от европеоидов, тог-

¹² Там же.

¹³ Там же. Воздействие на ЗИ затылочной деформации обнаружить не удалось. Тем не менее перед окончательной обработкой данных об этом признаке все черепа с асимметрией затылка и его резкой уплощенностью были исключены.

¹⁴ Перед подсчетом критериев значимости и коэффициентов корреляции, а также перед вычислением главных компонент все частоты преобразовывались в радианы и вносилась поправка Бартлетта (см.: Козинцев А. Г. Дискретные признаки на черепах..., с. 90).

¹⁵ Козинцев А. Г. Варианты соединения костей...; его же. Этническая краниоскопия.

да как в остальных монголоидных сериях процент низок. Якуты по этому признаку выпадают из центральноазиатского комплекса, что позволило предположить наличие «сибирского» компонента в их составе¹⁶. То же можно было бы сказать о киргизах, хотя здесь сибирская (нецентральноазиатская) монголоидность менее вероятна. В прочих группах, образовавшихся от смешения европеоидов с центральноазиатскими монголоидами, встречаемость КВШ, как и следовало ожидать, высокая (это относится также к сагайцам и шорцам). Среди монголоидов, по литературным данным, высокие частоты отмечены еще у японцев и бирманцев¹⁷.

В Восточной же Европе совершенно чужеродными выглядят кольские саами¹⁸, ненцы, удмурты, горные мари, обе группы мордвы. Все эти народы, говорящие на уральских языках и имеющие в своем составе уральский антропологический компонент, отличаются низкими, «сибирскими» частотами КВШ. Еще реже признак у сибирских представителей уральской расы — манси, хантов, кетов, причем в двух последних группах частота близка к мировому минимуму. Таким образом, ни малейшей промежуточности между европеоидами и монголоидами уральская раса по этому признаку не обнаруживает, что подчеркивает ее специфичность.

КВШ — одна из немногих краниологических особенностей, вскрывающих резкую гетерогенность экваториальной расы. У австралоидов (папуасы и меланезийцы) величина признака близка к мировому максимуму, у африканских негров — к мировому минимуму. И то и другое подтверждается литературными материалами. Однако гипотеза о родстве негроидов с европеоидами, а австралоидов с монголоидами¹⁹ не находит здесь подтверждения. По данным о КВШ, дело обстоит как раз наоборот: негры противостоят европеоидам, а австралоиды — большинству монголоидных групп. Повышение частоты КВШ отмечается не у южных монголоидов (индонезийцев), родство которых с австралоидами наиболее вероятно, а в некоторых континентальных популяциях Северной и Центральной Азии. Индонезийцы же отличаются от своих соседей — папуасов чрезвычайно резко. В метисной молуккской группе процент лишь немногим выше, чем у индонезийцев.

Еще сильнее контрастируют с австралоидами айны, у которых встречаемость КВШ очень низка, как и в большинстве монголоидных серий.

ЗАДНЕСКУЛОВОЙ ШОВ (ЗСШ)

На скуловых костях иногда имеется неполный (ложный) шов, вернее, «засечка» длиной до 10 мм и более, отходящая от височно-скулового шва²⁰. Наиболее рационально считать присутствующими швы длиной не менее 2 мм. По их частоте различия между европеоидами и монголоидами существенны на высшем уровне (невзвешенные средние равны соответственно 10,3 и 25,9%, разность превосходит ошибку в 6 раз). Но и по этому признаку прослеживается внутрирасовая неоднородность. В некоторых южно-европеоидных группах частоты повышены и иногда достигают даже «монголоидного» уровня; в Северо-Восточной, а также, по литературным данным, в Западной и Центральной Европе признак редок.

Монголоиды также неоднородны. В большинстве групп встречаемость высока (максимум приходится на нивхов и тунгусов). Однако у юкагиров и китайцев процент заметно понижен, а для азиатских эски-

¹⁶ Козинцев А. Г. Вариации швов лицевого черепа...

¹⁷ Библиографию зарубежных работ см. Козинцев А. Г. Варианты соединения костей...

¹⁸ Для саамов Финляндии и Норвегии в литературе приведены более высокие частоты, но нет уверенности, что эти данные сравнимы с нашими.

¹⁹ Зубов А. А. Одонтологические данные по вопросу о двух первичных очагах расообразования. — В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977, с. 69—73.

²⁰ Козинцев А. Г. Заднескуловая щель...; его же. Этническая краниоскопия.

мосов, индонезийцев и бирманцев получены совсем низкие показатели²¹. То же относится к многочисленным индейским группам, изученным американскими и канадскими авторами. По-видимому, тихоокеанские монголоиды и индейцы в своем большинстве противостоят по этому признаку основной массе континентальных монголоидов.

Среди групп, занимающих промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, низкие частоты отмечены в основном у европейских народов — саамов, поволжских финнов, чувашей, а также у узбеков и манси; средние — у удмуртов, хантов, сагайцев, шорцев и киргизов; высокие — у ненцев и кетов. Башкиры и казахи по этому признаку неоднородны.

У австралоидов ЗСШ встречается редко, как и у южных монголоидов, эскимосов и индейцев. Об этом свидетельствуют и мои данные о папуасах и меланезийцах, и данные зарубежных авторов об австралийцах, меланезийцах, веддах и аэта.

Айны же опять контрастируют с австралоидами. Более того, по частоте ЗСШ сахалинские айны занимают первое место в мире; у айнов Хоккайдо, изученных японскими краниологами, частота тоже чрезвычайно высока, а для предков айнов — носителей культуры дзёмон — Н. Оссенберг дает просто огромную величину. Из всех современных народов к айнам ближе всего нивхи и тунгусы, а на уровне крупных рас — континентальные монголоиды в целом. Конечно, айнская примесь могла несколько увеличить частоту признака у амурских народов и японцев, но для эвенков и континентальных монголоидов в целом это объяснение не годится. ЗСШ относится к числу наиболее ярких признаков, противоречащих теории австралоидности айнов и подтверждающих мнение о том, что «между айнами и соседними монголоидами существуют реальные расогенетические связи»²².

Данные о неграх скудны и противоречивы. В моей сборной африканской серии частота довольно высока, однако приводимые зарубежными авторами цифры, относящиеся к неграм Африки и особенно США, значительно ниже.

ПОДГЛАЗНИЧНЫЙ УЗОР (ПГУ)

Так я назвал изменчивый рисунок, который образуют подглазничные швы вместе с прилегающими лицевыми швами²³. Существует пять типов этого узора. Наибольший интерес для нас представляет тип II (ПГУ II) — пересечение продольного подглазничного шва скуловой костью. Частоты этого признака обнаруживают очень сильную географическую изменчивость, однако не в восточно-западном, а скорее в северно-южном направлении. Между европеоидами и монголоидами в целом различий нет; экваториальная раса противостоит обоим «бореальным». Мировой минимум приходится на африканских негров, низкой частотой отличаются также папуасы и меланезийцы.

У европеоидов самыми низкими величинами характеризуются южные народы — болгары, турки, армяне; и в целом у южных европеоидов признак встречается реже, чем у северных (заметное исключение — памирцы).

Монголоиды гораздо более изменчивы. Наиболее низкие показатели — у восточно-азиатских народов: индонезийцев, чукчей, эскимосов, алеутов, негидальцев, ульчей, орочей, японцев, китайцев и тайваньских аборигенов, а также в метисной молуккской группе.

²¹ По моим данным, эскимосы отличаются от всех северных монголоидов, в том числе от чукчей и алеутов. По данным же Н. Оссенберга, различие между эскимосами и алеутами невелико (ссылки на зарубежные работы см. *Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия*).

²² Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ), т. 2. М., 1947, с. 66—68.

²³ Козинцев А. Г. Подглазничные швы, сообщение I; его же. Этническая краниоскопия.

Однако самая низкая в Восточной Азии встречаемость ПГУ II — у айнов, которые снова занимают особое место. По этому признаку айны обнаруживают отчетливо южное тяготение и противостоят всем монголоидам, даже тихоокеанским.

Резкий контраст этим народам представляют нивхи, у которых ПГУ II очень част. Мировой же максимум данного признака приходится на юкагиров²⁴. Высоок процент также у тунгусов и у народов центральноазиатской расы, но ближе всего к юкагирам находятся представители уральской расы — ненцы, ханты и манси. К ним примыкают восточно-европейские, в основном финно-угорские народы, имеющие в своем составе уральский антропологический компонент: чуваша, удмурты, обе группы мари, обе группы мордвы и саами. Пять из этих групп занимают по частоте ПГУ II первые места в Восточной Европе.

У башкир, шорцев, сагайцев и кетов встречаемость довольно низкая, у узбеков и киргизов высокая, казахи в этом отношении неоднородны.

Таким образом, мы видим два полюса изменчивости данного признака. На «южном» полюсе — экваториальные народы, южные европеиды, восточно-азиатские монголоиды и айны. На «северном» полюсе — юкагиры, народы уральской расы, нивхи, тунгусы; сюда же примыкает большинство северных европеидов и континентальных монголоидов. Следовательно, в пределах обеих «бореальных» рас, а также в контактной зоне обнаруживается единая закономерность: ПГУ II в общем более част на севере, чем на юге. Аналогичный параллелизм был уже отмечен по нескольким признакам; одно из возможных его объяснений — сходный градиент климатических различий²⁵. В таком случае нарушения связи признака с климатом особенно интересны, так как они могут свидетельствовать о миграциях.

Одно из таких нарушений — чукчи, эскимосы и алеуты, выглядящие по данному признаку вполне «южными». Но ведь это не единственная южная особенность арктической расы²⁶. Можно полагать, что именно южные черты наиболее существенны для решения проблемы происхождения арктических народов, поскольку «северные» признаки могли возникнуть у них под влиянием арктического климата.

Не менее яркое исключение — айны, у которых весьма низкая, отчетливо «южная» частота этой особенности резко противоречит их «сверхсеверомонголоидности» по ЗСШ. Частоты ПГУ II подтверждают наличие южного компонента в составе тунгусо-маньчжурских народов Амура, однако не согласуются с мнением о южных связях нивхов²⁷.

У европеидов наиболее странной представляется высокая встречаемость ПГУ II у памирцев, однако серия эта мала, и в целом дифференциация здесь слабее, чем у монголоидов.

Пристального внимания заслуживает концентрация наивысших значений этого признака у юкагиров и народов, говорящих на языках уральской семьи, в особенности у ненцев и саамов. По мнению некоторых археологов и этнографов, народы эти складывались на основе единого древнеуральского этнического пласта²⁸. Традиционные антропологические признаки не подтверждали эту теорию и свидетельствовали лишь о том, что указанные северные народы резко различаются по соотноше-

²⁴ Этническая атрибуция некоторых черепов юкагирской коллекции вызывает сомнения: нельзя полностью исключить принадлежность их чукчам или эвенкам (см. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. — ТИЭ, т. 17. М.—Л., 1951, с. 251). Однако по изученным краниоскопическим признакам (особенно по ПГУ II) вся серия настолько своеобразна, что это, несомненно, противоречит предположению о ее смешанности. Во всяком случае, отличие ее от чукотской серии огромно.

²⁵ Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. — ТИЭ, т. 16. М.—Л., 1951, с. 313.

²⁶ Дебец Г. Ф. Указ. раб., с. 109.

²⁷ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — ТИЭ, т. 36. М.—Л., 1958, с. 99, 116—117.

²⁸ Чернецов В. Н. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северовосточной Европе и Северной Азии. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, с. 112—119; Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976, с. 31, и др.

нию европеоидного и монголоидного компонентов²⁹. Не исключено поэтому, что ПГУ стабильнее традиционных признаков и отражает более древнее родство. Быть может, однако, здесь перед нами лишь сходное проявление климатической адаптации? Но тогда почему у обитателей восточной части евразийской циркумполярной зоны — народов арктической расы — этот «северный» признак редок в отличие от финноязычных народов Поволжья и Прикамья, живущих отнюдь не в арктическом климате? Похоже, что родственные связи групп в данном случае не менее важны, чем среда обитания.

ИНДЕКС СЛОЖНОСТИ ПОДГЛАЗНИЧНОГО УЗОРА (ИСПУ)

Этот индекс представляет собой частоту случаев с добавочными (поперечными и др.) подглазничными швами³⁰. В табл. 1 приведены скорректированные значения ИСПУ — невзвешенные средние из величин, полученных для ПГУ II (см. выше) и для случаев, когда продольный подглазничный шов лежит медиальнее скуловой кости. В отличие от предыдущей характеристики этот признак прекрасно дифференцирует европеоидов и монголоидов (невзвешенные средние — соответственно 40,6 и 59,8%, разность в 7,5 раза больше ошибки). Среди промежуточных популяций типично европеоидные величины зафиксированы во всех четырех группах волжских финнов, у чувашей, манси и сагайцев; промежуточные значения — у киргизов, удмуртов, ненцев и шорцев; типично монголоидные — у узбеков, башкир, саамов, хантов и кетов. Две казахские группы по этому признаку промежуточные, две другие монголоидны. Весьма странно выглядит чрезвычайно высокая величина ИСПУ у башкир, пока представляющая собой мировой максимум и требующая какого-то особого объяснения.

Низкие показатели получены для африканских негров, папуасов и меланезийцев, а также для молуккцев, которые по этому признаку сходны с австралоидами, а не с индонезийцами (в отличие от того, что наблюдалось по частотам КВШ). У айнов величина несколько более высока, но все-таки ниже тех значений, которые характерны для монголоидов.

ИНДЕКС ПОПЕРЕЧНОГО НЕБНОГО ШВА (ИПНШ)

Прежние попытки анализа формы этого шва не давали удовлетворительных результатов из-за неразработанности методики определения и недостаточного внимания к расовым различиям. В соответствии с предлагаемой простой и точной схемой, для каждой половины шва (левой и правой) подсчитывается процент случаев, когда наиболее передняя точка шва не совпадает ни с латеральной, ни с медиальной (кроме случаев, когда обе латеральные точки и медиальная лежат на одной прямой)³¹. Этот индекс служит еще одним превосходным европеоидно-монголоидным разграничителем. Невзвешенная средняя для европеоидов — 70,5%, для монголоидов — 49,9%, отношение разности к ошибке — 7,8. Среди промежуточных групп, имеющих типично европеоидные значения ИПНШ, семь европейских (башкиры, чуваша, удмурты, обе группы мари, мокша и саами), одна европейско-азиатская (ненцы) и три азиатские (узбеки, казахи из Карата и ханты). Между тем все семь промежуточных групп с типично монголоидными величинами (киргизы, казахи из Актулки и Бегазы, манси, кеты, шорцы и сагайцы) происходят из азиатской части СССР. Таким образом, налицо определенная закономерность в географическом распределении ИПНШ. В промежуточный ин-

²⁹ Алексеев В. П. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975, с. 249—262.

³⁰ Козинцев А. Г. Подглазничные швы, сообщение II; *его же*. Этническая кранниоскопия.

³¹ Там же.

Коэффициенты межгрупповой корреляции между признаками

Признаки	ИПНШ	ИСПУ	ПГУ II	ЗСШ	КВШ	ЗП
ЗИ	-0,61***	+0,35**	-0,01	+0,57***	-0,31*	—
КВШ	+0,23	-0,31*	-0,12	-0,41***	—	-0,31*
ЗСШ	-0,58***	+0,41***	0,00	—	-0,41***	+0,57***
ПГУ II	-0,13	+0,06	—	0,00	-0,12	-0,01
ИСПУ	-0,41***	—	+0,06	+0,41***	-0,31*	+0,35**
ИПНШ	—	-0,41***	-0,13	-0,58***	+0,23	-0,61***

* $P < 0,05$; ** $P < 0,01$; *** $P < 0,001$.

тервал попадают эрзя и казахи из Коянды. Интересно, что в целом для классических представителей уральской расы, а также для поволжско-прикамских народов и саамов характерны европеоидные показатели.

Папуасы и меланезийцы, молуккцы и айны по этому признаку «монголоидны». Наоборот, у африканских негров значение ИПНШ весьма высокое, «сверхевропеоидное».

МЕЖГРУППОВАЯ СВЯЗЬ ПРИЗНАКОВ И МЕТОД ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ

Итак, мы изучили шесть признаков, обладающих высокой таксономической значимостью. Пять из них ценны в первую очередь для разграничения европеоидной и монголоидной рас. Но, хотя по каждому из этих признаков различия между обеими расами статистически достоверны на самом высоком уровне, здесь не происходит простого «дублирования» информации: каждый признак обогащает картину важными деталями. Этим пяти признакам противостоит один (ПГУ II), вскрывающий расовую дифференциацию также крупномасштабную, но совершенно иного характера. В табл. 2 приведены коэффициенты межгрупповой корреляции между тригонометрически преобразованными значениями шести признаков в 64 сериях (напомним, что внутригрупповые связи весьма невелики).

Связи между пятью признаками имеют, как правило, среднюю величину. ПГУ II практически независим от других особенностей.

Попытаемся теперь обобщить всю полученную информацию. Сделать это можно с помощью многомерных методов. Один из них — широко распространенный в этнической антропологии кластерный анализ, результатом которого является дендрограмма (дерево, иллюстрирующее иерархические связи групп на основании матрицы показателей суммарного различия между этими группами). Метод этот оптимален при изучении дискретной изменчивости, когда отчетливо выражена иерархическая структура материала, т. е. группы образуют четко обособленные скопления. Если же изменчивость носит постепенный характер, и имеется множество групп, промежуточных по своим особенностям (в частности, метисных), кластерный анализ дает неудовлетворительные результаты, так как промежуточность групп не получает отражения на дендрограмме.

Метод, использованный в данной работе, не имеет такого ограничения. Это родственник факторному анализу метод главных компонент³², который давно и часто применяется антропологами на Западе, но в нашу

³² Дубров А. М. Обработка статистических данных методом главных компонент. М.: Статистика, 1978; Иберла К. Факторный анализ. М.: Статистика, 1980, с. 103—109, 240—244; Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 36—66.

Факторная структура — коэффициенты корреляции признаков с главными компонентами

Признак	I	II	III	IV	V	VI
ЗИ	-0,79	-0,21	+0,21	-0,24	+0,41	+0,24
КВШ	+0,57	-0,25	+0,71	+0,26	-0,09	+0,16
ЗСШ	-0,83	-0,14	-0,02	-0,15	-0,47	+0,23
ПГУ II	-0,12	+0,95	+0,25	-0,05	-0,01	+0,11
ИСПУ	-0,66	+0,06	-0,16	+0,73	+0,07	+0,06
ИПНШ	+0,80	+0,02	-0,41	+0,02	+0,04	+0,43
Собственное число	2,73	1,04	0,81	0,68	0,41	0,34
Вклад в общую дисперсию, %	45,5	17,3	13,5	11,3	6,8	5,6

этническую антропологию только начинает внедряться³³. Его цель — заменить исходные признаки их линейными комбинациями (главными компонентами, далее — ГК), обладающими, по сравнению с исходными признаками, двумя ценными свойствами. Во-первых, ГК делают явными (и позволяють графически отобразить) закономерности межгрупповой изменчивости и взаимосвязи признаков, причем первая ГК выражает основную из этих закономерностей, вторая — следующую по значению и т. д. В результате, хотя формально число ГК равно числу признаков, все существенные тенденции, присутствующие в материале, как правило, практически исчерпываются первыми ГК, что сильно облегчает интерпретацию данных. Во-вторых, ГК ортогональны (некоррелированы), т. е. описываемые ими закономерности независимы. В отличие от кластерного анализа этот метод не «навязывает» материалу никакой дискретной структуры и способен отражать промежуточность групп. Кроме того, если дендрограмма довольно точно фиксирует связи низшего уровня, приводя иногда к значительным искажениям при выделении группировок высокого порядка, то для пространства первых ГК характерно как раз обратное, что, несомненно, предпочтительнее³⁴.

Математическая обработка матрицы межгрупповых корреляций (табл. 2) позволяет выявить так называемую факторную структуру, элементами которой служат коэффициенты корреляции между признаками и ГК (табл. 3).

Значимыми принято считать лишь те ГК, собственные числа которых больше 1. Таких ГК здесь две; вместе они отражают 62,8% общей дисперсии. К их рассмотрению мы и переходим.

ПЕРВАЯ («ВОСТОЧНО-ЗАПАДНАЯ») ГЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА

На долю I ГК приходится почти половина (45,5%) суммарной изменчивости. Все признаки, кроме ПГУ II, связаны с этой ГК коэффициентами корреляции, равными по абсолютной величине 0,6—0,8. Для КВШ и ИПНШ связь положительна, для ЗИ, ЗСШ и ИСПУ — отрицательна; корреляция с ПГУ II практически отсутствует. Нетрудно понять, что эта ГК отражает межгрупповые различия в соотношении европеоидности и монголоидности. Каков конкретный характер этих различий? Для выяснения этого вопроса нужно решить так называемую обратную факторную задачу — найти значения ГК для каждой из групп. Результаты, относящиеся к первым трем ГК, представлены в табл. 1.

³³ Трубникова О. Б. К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по краниометрическим признакам. — В кн.: Палеоантропология Сибири. Новосибирск: Наука, 1980, с. 89—105; Хартамович В. И., Чистов Ю. К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато. — В кн.: Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.: Наука, 1984, с. 74—105.

³⁴ Дискуссию между ведущими приверженцами разных методов см.: Controversial Issues in Human Population Genetics. — Amer. J. Human Genetics, 1974, v. 26, № 2, p. 259—271.

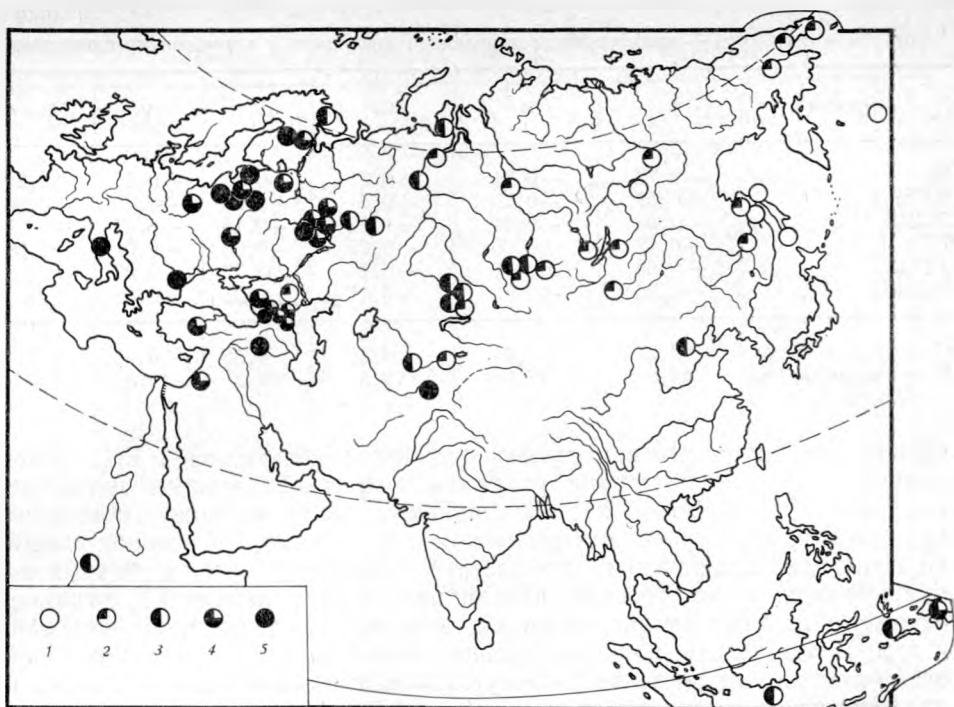

Рис. 1. Географическое распределение значений I главной компоненты. 1: $-3,69 \div -2,38$; 2: $-2,37 \div -1,06$; 3: $-1,05 \div +0,26$; 4: $+0,27 \div +1,58$; 5: $+1,59 \div +2,90$

Разграничительная сила I ГК очень велика (рис. 1). Во всех 22 европеоидных группах значения положительны, невзвешенная средняя равна $+1,59 \pm 0,15$. Во всех 18 монголоидных группах значения отрицательны, средняя составляет $-1,78 \pm 0,22$. Отношение разности к ошибке — 13,2, т. е. больше, чем по любому из дифференцирующих признаков.

Промежуточные группы располагаются в порядке усиления монголоидности следующим образом. Европеоидные значения: мокша, мари горные, мари луговые, чуваша. Промежуточные значения: эрзя, манси, саами, узбеки, башкиры, удмурты, казахи (Каратас), казахи (Бегазы), сагайцы. Монголоидные значения: шорцы, ненцы, казахи (Коянды), ханты, казахи (Актулки), киргизы, кеты.

Следует заметить, что нижняя граница промежуточного класса определяется двумя группами тихоокеанских монголоидов, у которых монголоидность, судя по I ГК, заметно ослаблена, — индонезийцами и китайцами. Вполне возможно, что это ослабление вызвано участием каких-то южных элементов (см. ниже). Если игнорировать данные две группы, то промежуточный интервал расширяется и в него попадают также шорцы, ненцы, казахи (Коянды) и ханты.

Последовательность промежуточных групп вдоль I ГК довольно хорошо соответствует традиционным представлениям о степени европеоидности и монголоидности этих групп. Совпадение наблюдается иногда даже на внутриэтническом уровне. Так, по краниометрическим данным, наиболее европеоидны казахи из Каратаса, наиболее монголоидны казахи из Актулки, серии из Бегазы и Коянды занимают промежуточное положение³⁵. То же отмечается и по величине I ГК.

Положение экваториальных групп в данном контексте, может быть, и не заслуживало бы специального рассмотрения: строго говоря, I ГК «не для них». Однако вопрос приобретает особый интерес в связи с гипотезой двух расовых стволов — западного (европеоидно-негроидного)

³⁵ Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата: Наука, 1970, с. 106.

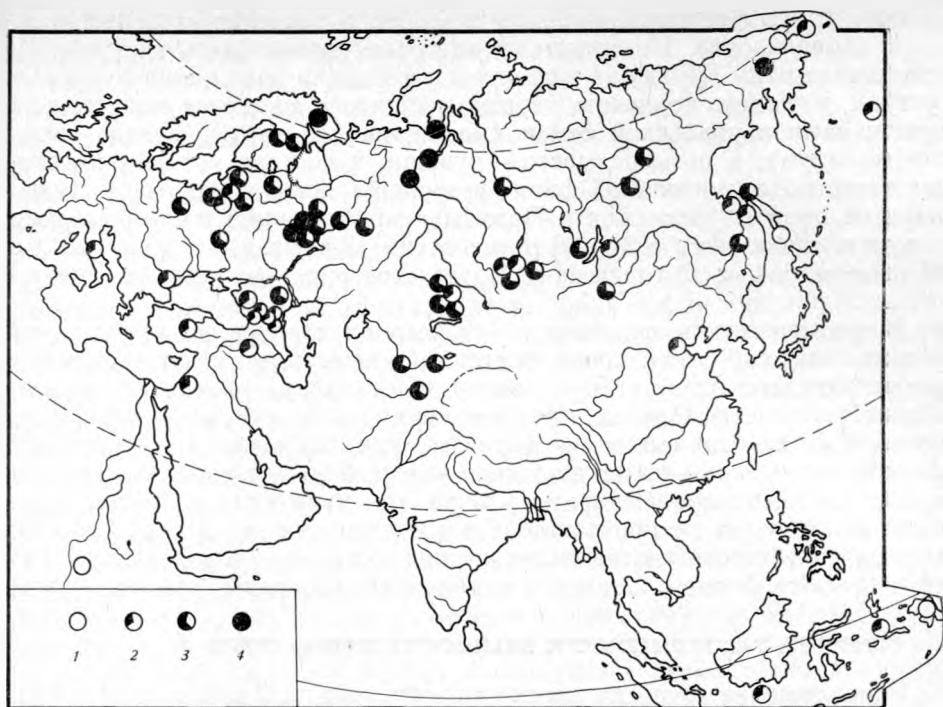

Рис. 2. Географическое распределение значений II главной компоненты. 1: $-2,73 \div -1,44$; 2: $-1,43 \div -0,14$; 3: $-0,13 \div +1,16$; 4: $+1,17 \div +2,46$

и восточного (монголоидно-австралоидного)³⁶. Конечно, наш материал, относящийся к экваториальной расе, совсем невелик и считать его достаточно репрезентативным невозможно. Однако, как уже указывалось, некоторые краниоскопические особенности восточных и западных представителей экваториальной расы подтверждаются и литературными данными. Значения I ГК совершенно не соответствуют гипотезе двух стволов. Африканские негры оказываются «нейтральными», не сближаясь ни с одной из бореальных рас, тогда как папуасы и меланезийцы попадают в европеоидный интервал. Молуккцы, как и следовало ожидать, промежуточны между австралоидами и индонезийскими монголоидами, причем ближе к последним (см., однако, ниже).

Между тем айны весьма резко отличаются и от индонезийцев, и в особенности от австралоидов. По величине I ГК они столь «монголоидны», что уступают в этом отношении лишь нивхам, ульчам и тунгусам. Совершенно очевидно, что, как бы ни была велика монголоидная примесь у айнов, дело тут не в ней.

ВТОРАЯ («СЕВЕРНО-ЮЖНАЯ») ГЛАВНАЯ КОМПОНЕНТА

Рассмотрим теперь II ГК, отражающую 17,3% суммарной дисперсии (рис. 2). Здесь задача наша легче, так как эта ГК на $\%_{10}$ определяется одним признаком — ПГУ II, который, как мы установили, дифференцирует человечество в основном по линии север — юг. Соответственно если I ГК можно определить как «восточно-западную», то ортогональную ей II ГК — как «северно-южную». Хотя она и связана с ПГУ II очень высокой корреляцией ($+0,95$), прослеживается также небольшая связь с другими признаками, в результате чего картина местами получается еще более выразительной, чем по ПГУ II. Так, различия между средними величинами этой ГК у северных европеоидов ($+0,07 \pm 0,16$) и южных ($-0,54 \pm 0,13$) достигают 2%-ного уровня значимости, чего не было по частотам ПГУ II.

³⁶ Зубов А. А. Указ. раб.

Еще отчетливее стал «юкагиро-уральский» характер «северного» полюса изменчивости. По-прежнему во главе списка здесь юкагиры. Но если по частотам ПГУ II на четвертом месте были нивхи, а на седьмом — тунгусы, то теперь все шесть первых мест после юкагиров занимают носители языков уральской семьи (манси, ненцы, ханты, мокша, саами, горные мари), а восьмое место — чуваш, в составе которых имеется, как известно, значительный финно-угорский субстрат. Некоторые финно-язычные народы Поволжья и Прикамья приблизились к этому полюсу: удмурты сдвинулись с 24—25-го места на 19-е, эрзя — с 29-го на 16-е, луговые мари — с 13-го на 11-е. Более «северное» положение заняли и кеты.

В противоположную, «южную» сторону сместились все народы центрально-азиатской расы, кроме якутов, а также ульчи, ставшие одной из самых «южных» групп (59-е место). Последнее, возможно, вызвано айнской примесью. Правда, ульчская серия мала, и большую роль здесь могла сыграть случайность. Впрочем, как показала А. В. Смоляк³⁷, айны приняли в сложении ульчского этноса большее участие, чем казалось прежде. Если не считать ульчей, то изменений в составе групп «южного полюса» не произошло. По-прежнему на первых местах здесь африканские негры, австралоиды и айны, а далее — индонезийцы, народы арктической расы и южные европеоиды (болгары, армяне, турки).

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОПОЛОЖЕНИЯ ГРУПП

Расположение групп на плоскости, образованной первыми двумя ГК, показано на рис. 3. Для того, чтобы картина лучше отражала географические закономерности, ось абсцисс (I ГК) повернута на 180°. Наиболее существенным здесь представляется следующее.

Монголоидная раса значительно разнороднее, чем европеоидная, видимо, по причине более широкого ареала и меньшей интенсивности миграций. Семь групп, относящихся к центрально-азиатской расе, занимают на графике довольно компактную область. К «югу» от нее располагаются три народа арктической расы. К эскимосам оказались близки негидальцы, однако из-за малых размеров данной серии нет уверенности в том, что она заняла свое истинное место (это, впрочем, относится ко всем тунгусо-маньчжурским группам Амура, различия между которыми кажутся неправдоподобно большими).

В отношении чукчей, эскимосов и алеутов таких сомнений нет. Наши результаты заставляют вернуться к поискам южных корней этих народов. Такие поиски были начаты давно³⁸, но до сих пор не дали убедительных результатов, видимо, из-за очень большой давности появления предков эскоалеутов и чукчей в Северо-Восточной Азии.

У эскимосов (в отличие от чукчей и алеутов) заметно некоторое ослабление монголоидности, что в еще большей мере относится к индонезийцам. Крайне «юго-западное» (в пределах монголоидной расы) положение последних, так же как и «западное» положение китайцев, совместимо и с гипотезой о европеоидной примеси, и с более вероятным представлением о некоторой «австралоидности» тихоокеанских монголоидов. Метисная молуккская группа обнаруживает эту тенденцию еще более явно и выходит за пределы монголоидной расы³⁹.

³⁷ Смоляк А. В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза. — В кн: Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975, с. 75—76.

³⁸ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947; Чебоксаров Н. Н. Основные направления..., с. 66; Дебец Г. Ф. Указ. раб., с. 108—109; Левин М. Г. Указ. раб., с. 120—121.

³⁹ Молуккцы все-таки получились у нас значительно ближе к индонезийским монголоидам, чем к папуасам с меланезийцами. Возможно, этот результат следует отнести к числу издержек метода ГК, подчас жертвующего мелкими деталями ради выявления крупных закономерностей. Дело в том, что индонезийцы отличаются от австралоидов в основном по двум признакам, один из которых (КВШ) сближает молуккцев с индонезийцами, другой (ИСПУ) — с австралоидами. При использовании только этих признаков среднее расстояние молуккской группы от индонезийской рав-

«Антиподами» индонезийцев предстают нивхи, сочетающие крайнюю монголоидность с отчетливо северным тяготением.

Народы, относимые к байкальской расе, в отличие от центрально-азиатских и арктических, не представляют никакого единства. Юкагиры, тунгусы, негидальцы различаются по монголоидному масштабу очень сильно.

Юкагиры, находящиеся на «северном полюсе» не только монголоидной расы, но и (по имеющимся данным) всего человечества, служат, кроме того, восточным форпостом весьма растянутого с востока на запад, вдоль I ГК, ряда народов, говорящих на языках уральской семьи. На западном (европеоидном) фланге этого ряда — финские народы Поволжья и родственные им чуваша; в средней части — манси и саами; на восточном (монголоидном) фланге, ближе к юкагирам, — ненцы и ханты. Не подлежит сомнению, что члены данного ряда резко различаются по степени монголоидности. Но ясно и другое: монголоидность эта совершенно особая, конкретно говоря, специфически «юкагирская». Ведь по степени выраженности «северной» тенденции уральские народы превосходят любых монголоидов, кроме юкагиров. Обращаясь к западной (поволжской) части ряда, мы видим, по существу, то же самое: хотя по I ГК поволжские финны и чуваша «европеоидны», II ГК уводит их «на север», за пределы европеоидной расы. Из всех народов, говорящих на уральских языках, по нашим материалам, лишь прибалтийских финнов (эстонцев, собственно финнов и карел) можно считать европеоидами. Прочие уральские народы в своем большинстве располагаются «севернее» обеих больших рас.

То, что уральская раса достаточно своеобразна и не может считаться типично метисной, указывалось неоднократно⁴⁰. Наши данные, безусловно, подтверждают это, но выявляют, кажется, и еще более глубокий расогенетический пласт — единую антропологическую основу, на которой формировалась уральская языковая семья. Тот факт, что основа эта оказалась в наибольшей степени выражена у юкагиров (внешне весьма отличных от народов уральской расы), прекрасно соответствует как археолого-этнографическим данным относительно древнеуральского субстрата (см. выше), так и лингвистической теории, согласно которой юкагирский язык является древнейшим представителем уральской семьи⁴¹.

Кетов было принято относить к уральской расе, хотя имеются данные, свидетельствующие о их далеких южных связях⁴². На нашем графике кеты располагаются в центре монголоидного ареала, т. е. выглядят типичными, «средними» монголоидами. Шорцы и сагайцы отличаются заметно ослабленной монголоидностью, однако оказываются значительно ближе к казахам и даже бурятам, чем к каким-либо представителям уральской расы.

Осталось рассмотреть вопрос об айнах, положение которых весьма противоречиво, как и по многим другим системам. По I ГК они резко монголоидны, по II ГК обнаруживают отчетливо «экваториальный» сдвиг и противостоят монголоидам. Сочетание экваториальных и монго-

но 54% расстояния между обеими «родительскими» группами. Конечно, погрешность этой оценки очень велика.

⁴⁰ Бунак В. В. Балтийская антропологическая зона и вопросы финно-угорского этногенеза. — В кн.: Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск, 1974, с. 4—6; Давыдова Г. М. Антропологические особенности западных финнов и вопрос их происхождения. — В кн.: К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979, с. 55—59; Золотарева И. М., Аксянова Г. А. Антропологическая дифференциация угорских и самодийских народов на севере Западной Сибири в связи с проблемами их этнической истории. — В кн.: Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск, 1974, с. 12—13; Зубов А. А. Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов. — В кн.: Финно-угорский сборник. Антропология, археология, этнография. М.: Наука, 1982, с. 134—148.

⁴¹ Обзор теорий см.: Гурвич И. С., Симченко Ю. Б. Этногенез юкагиров. — В кн.: Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980, с. 147.

⁴² Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982, с. 42, 49, 68—69, 77—80.

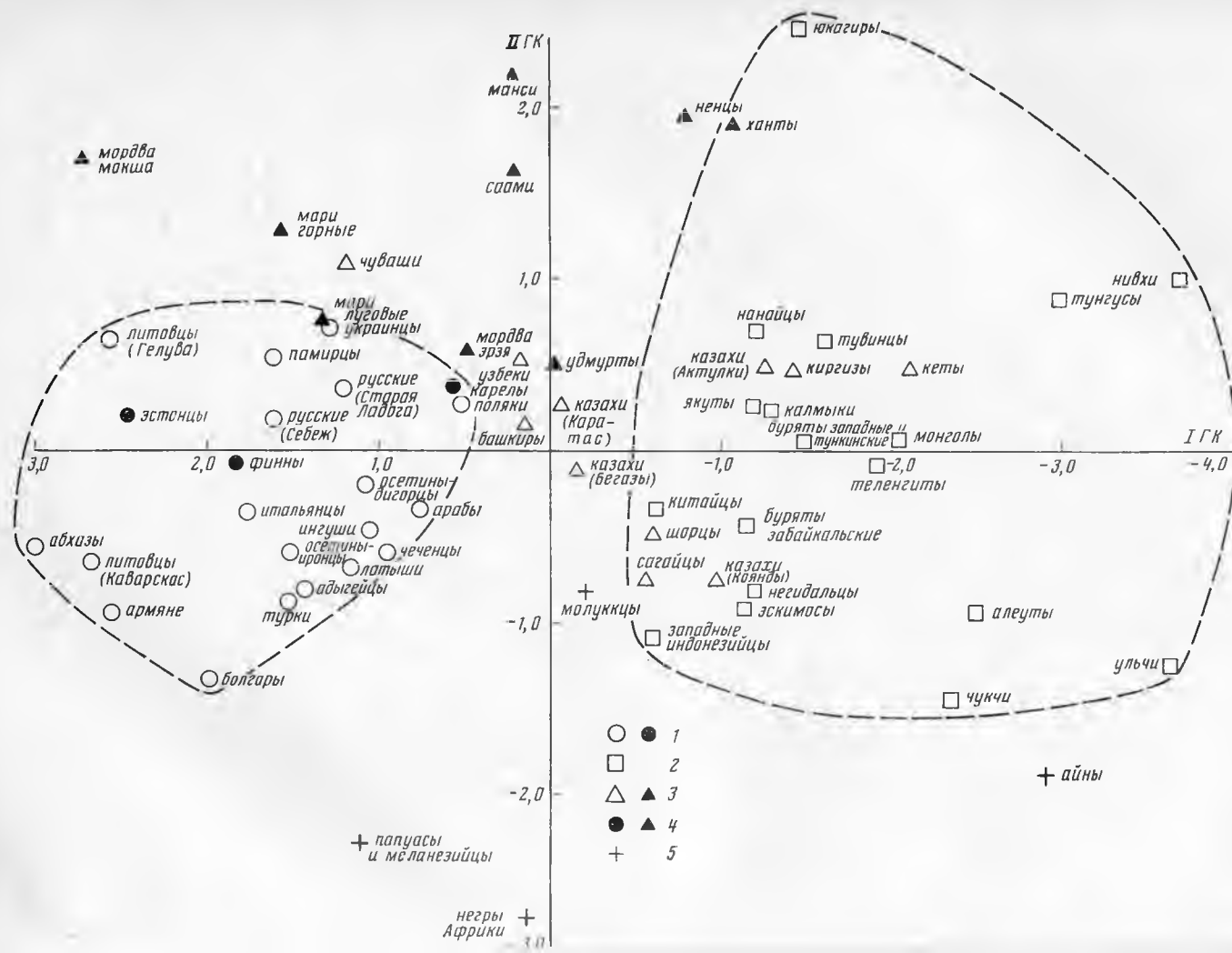

Рис. 3. Взаимоположение групп в пространстве I и II главных компонент. 1 — европеондные группы; 2 — монголоидные группы; 3 — группы контактной зоны; 4 — уралоязычные группы; 5 — прочие группы

лоидных черт у айнов гораздо более противоречиво, «мозаично», чем у западных индонезийцев или молуккцев. Монголоидность, однако, явно преобладает: к любой из монголоидных групп, кроме юкагиров, айны в общем ближе, чем к папуасско-меланезийской группе. Разумеется, последнюю нельзя считать представительной для австралоидной расы в целом, но некоторые краниоскопические особенности, резко отличающие эту серию от айнской, характерны, согласно литературным данным, и для других австралоидных групп. Как бы то ни было, если «восточный расовый ствол» существует, то айны, по нашим данным, несомненно, являются его ответвлением, папуасы же — нет!

По комплексу измерительных признаков черепа айны ближе всего к «атипичным» (или метисным) монголоидам — жителям Западной Сибири, полинезийцам, некоторым группам индейцев⁴³, однако по некоторым существенным краниометрическим особенностям они вполне монголоидны⁴⁴. О том, что монголоидность айнов отнюдь не имеет характера примеси, свидетельствуют и серологические данные, по комплексу которых айны противостоят австралийцам, микронезийцам и меланезийцам и объединяются с китайцами и японцами⁴⁵. Но, с другой стороны, признаки зубной системы сближают их не с «классическими» монголоидами, а скорее с полинезийцами и микронезийцами⁴⁶.

Преобладавшее в нашей литературе мнение об австралоидности айнов основывалось в значительной мере на этнографических материалах⁴⁷. Впоследствии выяснилось, что многие элементы айнской культуры, считавшиеся специфически «южными», были свойственны огромной восточноазиатско-океанийской культурной области, простиравшейся в неолите до Амура или даже севернее⁴⁸. Выявлены глубокие и древние связи айнов с нивхами и тунгусоязычными народами⁴⁹. Вся совокупность имеющихся данных свидетельствует, по-видимому, о принадлежности айнов к какому-то древнему варианту монголоидной расы. Их «австралоидность» следовало бы в таком случае рассматривать скорее как отражение общего архайзма их культуры и антропологического типа.

ПРОЧИЕ ГЛАВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Прочие ГК (III—VI) не выдерживают формального критерия значимости (их собственные числа меньше 1). Тем не менее кратко остановимся еще на III ГК, отражающей 13,5% общей изменчивости. Главную роль здесь играет КВШ, на втором месте — ИПНШ. Если в I ГК эти признаки входили с одинаковыми знаками, то в III ГК — с разными. Основной содержательный смысл III ГК — разделение двух экваториальных групп, которые по первым двум ГК были довольно близки. Теперь же они занимают противоположные крайние места: папуасы с ме-

⁴³ Козинцев А. Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов. — В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974, с. 229—242.

⁴⁴ Чебоксаров Н. Н. Основные направления..., с. 66—69; Беневоленская Ю. Д. Дифференциация народов Сибири и Дальнего Востока по некоторым краниологическим признакам. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 76.

⁴⁵ Omoto K., Misawa S. The Genetic Relations of the Ainu. — In: The Origin of the Australians. Canberra, 1976, p. 365—376.

⁴⁶ Turner C. G., Hanihara K. Additional Features of Ainu Dentition. — Amer. J. Phys. Anthropol., 1977, v. 46, № 1, p. 13—24.

⁴⁷ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 555—609; Левин М. Г. Указ. раб., с. 293.

⁴⁸ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971, с. 121; Бродянский Д. Л. Неолит и бронзовый век Приморья в свете ретроспективного метода. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 43—45; Кабо В. Р. Айнская проблема в новой перспективе. — Сов. этнография, 1975, № 6, с. 42—50.

⁴⁹ Смоляк А. В. Указ. раб., с. 68—77; Сневаковский А. Б. Айны. — Вопросы истории, 1985, № 3, с. 180—188; его же. Терминология родства как этногенетический источник. — В кн.: Годичная научная сессия Ин-та этнографии АН СССР 1983 г. Краткое содержание докладов. Л.: Наука, 1985, с. 30—31.

ланезийцами — первое, африканские негры — 64-е (айны — на 58-м, т. е. опять очень далеки от австралоидов).

То, что различия между негроидами и австралоидами выявились в полной мере лишь по III ГК, не означает, что различия эти невелики. Результаты здесь определяются не только масштабом дифференциации, но и численным соотношением различных расовых типов. Будь экваториальная раса не столь скудно представлена в нашем материале, картина была бы иной.

Кроме того, III ГК отделяет представителей центрально-азиатской расы, среднее значение у которых равно $+0,76 \pm 0,32$, от прочих монголоидов ($-0,15 \pm 0,23$). Разграничение, однако, получается не более эффективным, чем по одному признаку — КВШ. Извлечь из этой ГК какую-либо дополнительную этногенетическую информацию не удастся.

Три последующие ГК, значения которых мы не приводим, представляются полностью бесполезными. Группы разного происхождения «перетасованы» здесь в совершенно хаотичной последовательности. И в формальном, и в содержательном отношении это лишь «шум», отходы, остающиеся после извлечения значимой части межгрупповой изменчивости. В соответствии со смыслом метода эти ГК следует игнорировать.

Анализ, результаты которого мы изложили, строго говоря, не был основан на концепции общего сходства (см. выше). Во-первых, ГК образуют «закрытую систему»⁵⁰, предназначенную в принципе для наиболее экономного описания изменчивости определенного набора признаков, а не для предсказания поведения других признаков и соответственно не для оценки «общего различия» между двумя группами. Во-вторых, число изученных особенностей невелико. Могут ли в таком случае наши результаты служить основанием для гипотез о родстве групп? Представляется, что да. Замена большого числа малоинформативных показателей малым числом высокоинформативных в данном случае, очевидно, оправдала себя. Выявленная картина расовой дифференциации получилась настолько яркой, обнаружила столько географических, антропологических и лингвистических параллелей, что и те ее части, которые не соответствуют традиционным представлениям, по-видимому, заслуживают доверия и, во всяком случае, внимания.

ВЫВОДЫ

1. Рассмотрена встречаемость шести краниоскопических признаков (особенностей швов черепа), почти не привлекавших специального внимания расоведов, в 64 современных краниологических сериях.

2. Все признаки обладают высокой таксономической ценностью. Пять из них: затылочный индекс, клиновидно-верхнечелюстной шов, заднескуловой шов, индекс сложности подглазничного узора и индекс поперечного небного шва — пригодны в основном для разграничения европеоидов и монголоидов. Один признак — тип II подглазничного узора — дифференцирует человечество главным образом по линии Север — Юг.

3. Данные обработаны методом главных компонент (ГК). Значимыми оказались две первые ГК.

4. Первая ГК («восточно-западная») отделяет европеоидов от монголоидов. Ее величины в промежуточных группах соответствуют традиционным представлениям о соотношении европеоидности и монголоидности в этих группах. Африканские негры по I ГК «нейтральны», папуасы и меланезийцы — «европеоидны», айны — резко «монголоидны».

5. Вторая ГК («северно-южная») связана в основном с подглазничным узором типа II. На «южном полюсе» изменчивости находятся африканские негры, австралоиды и айны, затем индонезийцы, народы арктической расы (чукчи, эскимосы, алеуты), ульчи, а также некоторые южно-европеоидные группы. На «северном полюсе» — юкагиры и народы, говорящие на языках уральской семьи (манси, ненцы, ханты, мокша, са-

⁵⁰ Дерябин В. Е. Указ. раб., с. 60.

ами, горные мари), а также чуваш; к этому полюсу примыкает большинство северо-европеоидных и ряд континентально-монголоидных групп.

6. У айнов монголоидность, безусловно, не сводима к примеси. Несмотря на свое «южное» тяготение, айны, по-видимому, близки к какому-то древнему варианту монголоидной расы.

7. Полученные результаты свидетельствуют о южном происхождении чукчей, эскимосов и алеутов.

8. Наличие весьма специфических общих черт у ряда уралоязычных народов (кроме прибалтийских финнов, относящихся к европеоидам) не только подтверждает своеобразие уральской расы, но выявляет еще более широкую и древнюю общность. Уралоязычные народы, резко различаясь по степени европеоидности и монголоидности, тем не менее в своем большинстве противостоят обоим большим расам, обнаруживая отчетливо «северную» тенденцию, находящую максимальное выражение у юкагиров.

Я признателен Т. В. Томашевич, В. И. Хартановичу и Ю. К. Чистову за помощь в работе, а также И. И. Гохману за ценные замечания и поддержку.

Н. В. Шлыгина

БЫТ РАБОЧИХ ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Тематика финских этнографических исследований очень долго не выходила за рамки доиндустриальной культуры. Вне поля зрения этнографов оставались как современное крестьянство, так и рабочий класс и все городское население. Между тем крестьянство давно уже не составляет основной массы финского народа, как это было в прошлом веке, когда 85% населения было занято в сельском хозяйстве. По данным 1980 г. лишь 12,3% жителей работает в сельском хозяйстве и лесоводстве, две трети населения живет в городах, а в промышленности занято 26,7% всех трудоспособных, т. е. в два с лишним раза больше, чем в аграрной сфере¹.

Призыв к изучению современного быта впервые прозвучал в Туркуском университете в речи И. Талвэ, произнесенной им при вступлении в должность заведующего этнографической кафедрой, основанной в 1960 г. (в настоящее время — Институт этнографии Туркуского университета). Обращая внимание на важность этнографического изучения всех слоев населения Финляндии², Талвэ говорил о необходимости незамедлительно начать сбор этнографических материалов по «потерянному столетию», как назвал период 1860—1960-х годов видный датский этнограф Бьярне Стоклунд, отмечавший такой же пробел в этнографии скандинавских стран³.

За четверть века, прошедшие со времени выступления И. Талвэ, финскими этнографами немало сделано для изучения современного быта городского и сельского, рабочего и крестьянского населения, и можно уже подвести некоторые итоги. В настоящей статье мы остановимся на результатах изучения быта рабочих.

Следует сказать, что индустриализация в Финляндии была осуществлена сравнительно быстро — за последние 100 лет. Период с 1870 до 1920 г. финские ученые характеризуют как переломный этап (*turroskausi* —

¹ Finland in Figures. Central Statistical Office of Finland. Helsinki, 1983. P. 4, 7.

² Tälve I. Suomalainen kansatiede//Sananjalka. 1963. № 5. S. 107—197; *idem*. Suomalainen kansatiede//Scripta ethnologica (далее — SE). Turku, 1963. № 14.

³ Цит. по: Tälve I. 1980-luvun kantietaan tutkimuskohtut ja menetelmät//Ethnos-toimite. 2. Helsinki, 1960 S. 21.